

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ – 2021**

Сборник научных трудов

Под научной редакцией
кандидата психологических наук, профессора НГПУ
О. А. Белобрыкиной,
кандидата психологических наук, доцента НГПУ
М. И. Кошеновой

НОВОСИБИРСК 2021

УДК 316.6(082)+316.7(082)+159.97(082)
ББК 88.5я43+74.66я43+88.7я43
С568

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «НГПУ»

Р е ц е н з е н т ы :

д-р психол. наук, д-р пед. наук, проф., директор Института педагогики
и психологии МГПУ, чл.-корр. РАО, действительный член Академии
педагогических и социальных наук

А. И. Савенков;

д-р пед. наук, проф. ФГБОУ ВО «НГПУ»

И. А. Федосеева

С568 **Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2021 : сборник научных трудов / под научной редакцией О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой ; Министерство просвещения Российской Федерации, Новосибирский государственный педагогический университет. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2021. – 343 с. – Текст: непосредственный.**

ISBN 978-5-00104-680-6

В сборнике представлены материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 17–18 марта 2021 г.), посвященной осмыслению социально-психологических проблем современной реальности. Анализируются актуальные социально-психологические проблемы в различных сферах современной общественной жизни, обсуждаются вопросы взаимодействия социальной науки и практики. Приведены результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященных отдельным аспектам детерминации социального поведения человека, проблемам личностного выбора, рассмотрению различных форм девиаций, а также возможностей практического применения социально-психологических технологий превенции и коррекции отклоняющегося поведения.

Адресован научным сотрудникам, преподавателям вузов, студентам, магистрантам, аспирантам, соискателям социально-гуманитарных и психологических факультетов вузов, специалистам социально-психологического, психолого-педагогического и социально-педагогического профиля профессиональной деятельности.

УДК 316.6(082)+316.7(082)+159.97(082)

ББК 88.5я43+74.66я43+88.7я43

ISBN 978-5-00104-680-6

© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2021

Белякова С. О. Конформизм как причина девиантного поведения	181
Васикевич В. В. Социальные факторы подростковых суицидов	184
Дук В. Е. Инспекция по делам несовершеннолетних как часть системы профилактики формирования преступного поведения подростков	188
Защиринская О. В. Виктимизация личности при комплексных психических травмах	194
Золотухина Е. В. Личностный кризис совершеннолетия как фактор риска формирования девиантного поведения.....	207
Клепикова Н. М. Насилие и жестокость в образовательных организациях: психологический и правовой аспекты	212
Костригин А. А., Стоюхина Н. Ю. Душевные эпидемии как феномен девиантного поведения в российской психиатрии и психологии на рубеже XIX–XX вв.	219
Маенкова А. Д. Психологическое содержание понятия «коррупция».....	225
Маенкова А. Д. Диспозиционные предикторы коррупционного поведения в старшем школьном возрасте	229
Нестерова С. Б. Роль эмоциональной компетентности в превенции буллинга подростков.....	235
Руденский Е. В. Методология интерактивного драматизма клинической социатрии виктимности как концептуальное основание виктимодраматерапии.....	242
Смолина А. В. Влияние буллинга на его участников.....	254
Черкасова Е. С., Кондраткова Н. В., Кошенова М. И. Психологический подход в реализации расследования суицидального поведения несовершеннолетних.....	258
Черкасов К. А. Использование специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних.....	268
Шухова Н. А., Охупкина Д. Н. Склонность к риску в структуре факторов социально-психологической адаптации подростков.....	275

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Дроздова А. В. К вопросу о взаимосвязи гендерной идентичности и самореализации в юношеском возрасте	279
Кошлоба А. В. Понятие «образ матери» в отечественной и зарубежной психологии	284

6. Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лейна и Э.Миллера. СПб.: Питер, 2001. С. 240–274.

7. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО). СПб.: Речь, 2009 256 с.

8. Петросян В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников – участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2011. 210 с.

9. Травля и издевательство (буллинг) в школах и участие в драках среди подростков. Информационный бюллетень, 2016. [Электронный ресурс] // ВОЗ [сайт]. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/303486/HBSC-No.7_factsheet_Bullying_RU.pdf (дата обращения: 24.03.2021).

10. Due P., Holstein B. E. Bullying victimization among 13 to 15 year old school children: Results from two comparative studies in 66 countries and regions // International journal of adolescent medicine and health. 2008. Vol. 20, Issue 2. P. 209–221.

11. Olweus D., Limber S. P. Bullying in school: evaluation and dissemination of the Olweus Bullying Prevention Program // American journal of Orthopsychiatry. 2010. Vol. 80, Issue 1. P. 124–134.

12. Storch E. A. Peer victimization and social anxiety in adolescence: A prospective study // Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression. 2005. Vol. 31, Issue 5. P. 437–452.

Научный руководитель – Кошенова М. И.,
канд. психол. наук, доц., зав. кафедрой
социальной психологии и виктимологии,

Новосибирский государственный педагогический университет

УДК 159.9(075.8)

Е. С. Черкасова, Н. В. Кондраткова

Новосибирск, Новосибирский филиал Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации

М. И. Кошенова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье раскрываются основные психологические причины завершённого суицида. Авторы раскрывают обобщённые результаты изучения доследственных проверок, реализованных в Сибирском федеральном округе, проведенных по выяснению причин смерти несовершеннолетних. Изучение психологических, личностных, социальных и семейных сложно-

стей суицидантов позволяет разработать превентивные меры и алгоритм реализации следственных мероприятий.

Ключевые слова: суицид, поведение, детерминанты, алгоритм, доследственная проверка, следствие, расследование.

E. S. Cherkasova, N. V. Kondratkova

Novosibirsk, Novosibirsk branch of the Moscow Academy

Investigative Committee of the Russian Federation

M. I. Koshenova

Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University

PSYCHOLOGICAL APPROACH IN THE IMPLEMENTATION OF THE INVESTIGATION OF SUICIDAL BEHAVIOR OF MINORS

The article reveals the main psychological determinants involved in the realization of completed suicide. The authors reveal the generalized results of the study of pre-investigation checks implemented in the Siberian Federal District, conducted to clarify the causes of death of minors. The study of psychological, personal, social and family difficulties of suicides allows us to develop preventive measures and an algorithm for implementing investigative measures.

Keywords: suicide, behavior, determinants, algorithm, pre-investigation, investigation, investigation.

Актуальность изучения комплекса психологических детерминант, способствующих совершению завершеного суицида несовершеннолетним, определена тревожными данными статических исследований. Так, согласно данным официальной статистики смертности в Российской Федерации, завершённый суицид (наступление смерти от внешних причин) занимает третье место после сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных новообразований [5]. Важно, что Российская Федерация по данным ВОЗ в мире также занимает третье место по числу суицидов [6]. За последние 10 лет из-за неестественных причин смерти ежегодно в среднем уходило из жизни по 3,6 тыс. человек. При наметившейся в последние годы в Новосибирской области тенденции сокращения общего числа суицидальных проявлений, среди несовершеннолетних ситуация остается практически неизменной – в 2017-2018 годах самоубийства совершили 35 несовершеннолетних, в 2020 году зафиксировано 14 завершённых суицида, в том числе 11 случаев в городе Новосибирске, по 1 случаю в р. п. Кольцово, Купинском и Барабинском районах Новосибирской области.

Очевидно, что данные статистики идут в разрез с масштабами детского суицидального поведения, значительное количество которого, к счастью, не за-

вершается смертью, но, несомненно, несет значительный психологический вред для каждого ребенка, пытающегося свести счеты с жизнью. Расследование завершенного суицида несовершеннолетнего сопряжено со значительными психологическими, криминологическими и криминалистическими трудностями, которые зачастую остаются «за скобками» завершенных доследственных проверок, как по причине объективной невозможности установления, так и по причине субъективной некомпетентности сотрудников правоохранительных органов в вопросе сбора, анализа, установления и выявления детерминирующих факторов, приведших в конечном итоге к смерти несовершеннолетнего.

Суицидальное поведение детей и подростков изначально имеет свой индивидуальный механизм формирования. Его истоки лежат в раннем детском возрасте и взаимосвязаны с так называемыми «семейными факторами» [1, с. 80]. Изначально аффективная неустойчивость, импульсивность способствуют формированию не эффективных копинг-стратегий поведения в ситуациях, связанных с напряжением и трудностями. По мере взросления к этому добавляются такие характеристики, как семейная история, перинатальные факторы и неблагоприятная жизненная ситуация, в которую входят прежде всего «хаотичная семья» и патогенное родительское поведение. Далее следует формирование суицидальной предрасположенности, базирующейся на психопатологических чертах и расстройствах личности несовершеннолетнего, неблагоприятной социальной среде. Социально-психологическая дезадаптация является отягощающим фактором, пусковой механизм завершенного суицида внутри которого объясняется психиатрами и психологами искаженным и незрелым представлением о смерти. Смерть воспринимается несовершеннолетними как временное состояние, освобождающее от невзгод, но приводящее к определенным «психологическим выгодам», в числе которых – уступки взрослых в каких-то вопросах, снятие всеобъемлющей тревоги, возникновение жалости и скорби к нему – уже умершему. Чаще всего подросток не может спрогнозировать, что ничего уже больше в его жизни не будет, как и самой жизни, что смерть конечна и неизменна.

Особую сложность в диагностике и установлении представляет собой суицидальное поведение малолетних. Несмотря на редкую представленность, необходимо уделить особое внимание высказываниям малолетних, касающихся следующих вопросов: смерть, похороны, суицид, нежелание жить, «меня не любят», «я никому не нужен (нужна)», «вот умру (убью, задушу и т. д.) себя, тогда...» и т. д. В силу возраста данные темы невозможны для осознания малолетним ребенком, но появление в его вербальном выражении подобных тем,

однозначно, не должно быть оставлено без внимания. Даже в ситуации, когда его родители (попечители) считают, что это просто «игра» или «ему нечего делать», необходимо разобраться в причинах появления данной темы в речи ребенка. Оставление без внимания в этом вопросе чревато крайне негативными последствиями. Малолетние, имеющие неограниченный доступ к Интернет-ресурсам, могут становиться заложниками интернет-террористов, осуществляющих планомерное и профессиональное склонение к суициду, а ребенок в силу возраста и отсутствия контакта с родителями (попечителями) может становиться жертвой «опосредованного убийства».

Как отмечают исследователи, добровольный уход из жизни характерен для детей, находившихся в трудной жизненной ситуации (из неполных, малообеспеченных семей) или подвергшихся несправедливым, по их мнению, наказаниям (суицидальные попытки в таком случае окрашены чувством мести) [2; 3; 4]. Однако в то же время растет число самоубийств несовершеннолетних из обеспеченных семей, посещавших учебные заведения, положительно характеризовавшихся по месту жительства, учебы, но попавших под негативное воздействие сети Интернет. Согласно распространенной точке зрения, испытывая недостаток живого общения, в силу особенностей психического развития дети и подростки доверяются незнакомым лицам и таким образом попадают под влияние кураторов «групп смерти», осуществляющих целенаправленное доведение несовершеннолетних до суицида или склоняющих к его совершению. Детерминирующие факторы включают наличие депрессивного расстройства, причины которого в несовершеннолетнем возрасте не типичны: от феноменологических до субкультурных (средовых). Усиливающим влиянием обладает конформное поведение, его подражательный компонент, усугубленный импульсивностью подростка.

В целях установления психологических причин реализации оконченных суицидов, а также исходя из актуальности вопроса по привлечению к уголовной ответственности лиц, способствующих или/и не предотвративших уход из жизни несовершеннолетнего, авторами проведен анализ изучения разработанного на кафедре уголовного права и процесса Новосибирского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» опросника по итогам проведенных доследственных проверок, реализованных Следственным комитетом Российской Федерации в Сибирском Федеральном округе в период с сентября по декабрь 2020 года. В исследовании приняли участие 70 респондентов из числа руководителей и заместителей руководителей

следственных подразделений, проводивших вышеуказанные доследственные проверки или руководившие их проведением.

Результаты исследования выявили ряд важных закономерностей, позволяющих кроме обобщенных выводов, сформулировать предложения по превентивным мерам психологического сопровождения малолетних и несовершеннолетних, попадающих в «группы риска» по суицидальному поведению.

Добровольный уход из жизни по итогам исследования совершен, в большинстве своем, несовершеннолетними из полных и обеспеченных семей (47¹). Несовершеннолетние посещали учебные заведения, спортивные или иные секции. Факты девиантного и делинквентного поведения установлены у трети суицидантов, конфликтные и неоднозначные семейные отношения – практически у всех. Это значит, что к числу превентивных мер следует прежде всего подойти с позиции психологического сопровождения семейного благополучия; медитативная помощь в данном вопросе имеет гибкий вектор реализации: от несовершеннолетнего к родителям, от родителей к классным руководителям и т. д.

В ходе проведенных доследственных проверок выяснены причины сложных внутрисемейных отношений, связанных с отсутствием диалога между поколениями и межличностными и внутрисемейными проблемами в семьях суицидантов:

– недостаток доверительного и эмпатичного общения ввиду отсутствия близкого контакта с родителями (31);

– компенсация в сети Интернет реального межличностного внутрисемейного контакта и попадание под влияние групп суицидальной тематики (участвовали в этих группах, переписывались, скачивали файлы, играли в указанные игры и выполняли часть заданий) (21), полный отказ от реального межличностного взаимодействия с «уходом» в виртуальный мир (6);

– компенсация неприятия взрослыми члена семьи за счет общения с друзьями, одноклассниками (18).

Анализ полученных результатов следственной практики позволяет выделить две наиболее типичные суицидальные ситуации. Для первой (47) характерно проживание суицидента в целом в благополучной семье, лишенной материальных и иных проблем, отсутствие конфликтных отношений, но наличие дефицита общения, включающего эмпатичное принятие со стороны семьи, взрослых родственников, отсутствие духовных связей и привязанностей, попытки компенсации за счет внешней среды. Для второй (23) – проживание в неблаго-

¹ В скобках указано количество материалов доследственных проверок с выявленными фактами.

получной, малообеспеченной семье, наличие конфликтных отношений, девиантное поведение. При этом по материалам 45 доследственных проверок по факту незавершенного суицида несовершеннолетнего выносилось решение об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Основанием для принятия процессуально обусловленного решения служило отсутствие события преступления (31) или отсутствие в деянии состава преступления (14). Основные уголовно-правовые и процессуальные сложности возникают со следующим (не исчерпывающим) перечнем причин:

- сложность доказывания субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 110 – 110.2 УК РФ;

- сложность доказывания объективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 110 – 110.2 УК РФ;

- воздействие виновными лицами на психику несовершеннолетних способами, порождающими у них повышенный интерес к суицидальной тематике, депрессивное состояние и желание совершения суицида, но формально не подпадающими под действие существующих уголовно-правовых запретов;

- активное противодействие со стороны виновных лиц, в том числе, уход от традиционных способов воздействия на потерпевших, мобильность в социальных сетях, мессенджерах и т. д.;

- активное противодействие со стороны родственников потерпевшего, учителей, одноклассников, друзей, скрывающих информацию, представляющую интерес для следствия, и препятствующих формированию объективного представления о причинах совершенного суицида.

Соглашаясь с полученными результатами в части обоснования недостаточной эффективности рассматриваемых уголовно-правовых запретов, сложностью доказывания объективных и субъективных признаков, а также постоянным изменением способов воздействия на потерпевших с целью избежания привлечения к уголовной ответственности, особо отметим трудности в выявлении и расследовании уголовных дел данной категории, обусловленные противодействием уголовному преследованию. Традиционно к способам противодействия относят умышленные действия, направленные на воспрепятствование установлению действительных обстоятельств, участников преступного события и уклонение виновного от уголовной ответственности за преступление или предупреждение возникновения информации о совершенном преступлении. Как показывает практика среди кураторов «групп смерти» наиболее распространенными являются «утаивание» (выдвижение ребенку требования не разглашать факт своего участия в «группе смерти» родным и близким под угрозой

применения к ним насилия), «уничтожение» (включение в игру обязательного условия до совершения суицида удалить переписку и историю поисковых запросов), «маскировка» (представление своей деятельности, как внешне законной, объединяющей детей и подростков по интересам).

Формы оказываемого противодействия со стороны заинтересованных лиц, напрямую или опосредованно влияющих на формирование суицидальной направленности несовершеннолетнего:

- изменение первоначальных показаний, дача ложных показаний;
- отказ от дачи показаний;
- уничтожение доказательств;
- склонение свидетелей к даче ложных показаний;
- иное противодействие (удаление переписки в сети Интернет, самообвинение родителей в случившемся с отказом от показаний, прямое психологическое и физическое противодействие следствию).

Противодействие позволяет виновным лицам сохранить анонимность ввиду неосведомленности семьи об участии ребенка в «группе смерти» или конфликтных отношениях в школе, невозможности восстановления как электронной информации после ее удаления потерпевшим и администратором группы, так и информации на бумажных носителях после ее уничтожения. В связи с этим расследование уголовного дела во многом зависит от полноты и тщательности проведения осмотра места происшествия, допросов, экспертных исследований.

При производстве осмотра места происшествия следы, свидетельствующие о совершении суицида под влиянием извне, включают:

- характерные рисунки (символика) на предметах интерьера, бумаге, теле несовершеннолетнего в виде китов, бабочек, дельфинов; порезы, другие раны на руках и иных доступных для самостоятельного воздействия частях тела;
- предсмертные записи в дневниках, на странице в социальной сети, переписка с одноклассниками, друзьями, единомышленниками, пропагандирующими идею смерти и суицидов в рукописном и электронном виде;
- картинки, видеозаписи суицидальной тематики, полученные для просмотра от кураторов, или сделанные несовершеннолетним в качестве задания;
- литература, высказывания, стихотворения и др. с суицидальной идеацией (которые могут рассматриваться и как вариант «канализации» тревоги, или своеобразного катарсиса, но, при всей своей неоднозначности в психологической инструментализации, могут быть маркерами возможного влияния).

В ходе реализации доследственных проверок следователями Следственного комитета Российской Федерации проводится масштабное и планомерное изучение не только личности и обстоятельств суицидальной попытки или завершенного суицида, но и вещественных доказательств, полученных в ходе осмотра места происшествия, изъятых из жилища и личных вещей несовершеннолетних:

- мобильных телефонов, с целью установления контактов, соединений потерпевшего с другими абонентами, входящих и исходящих сообщений; системных блоков, ноутбуков, флэш-накопителей, в целях обнаружения переписки подростка и сообществ, в которых он состоял, размещенной в них информации, статусов, изображений, видео– и аудиозаписей;

- медицинской документации, которая может быть направлена для производства психолого-психиатрической экспертизы, а также позволит объективно оценить с какими заболеваниями или травмами наблюдался потерпевший в медицинских учреждениях, с какой частотой и периодичностью, какие пояснения давал врачу на приеме;

- записок, писем, записей в дневнике, предметов, которые могли использоваться для применения насилия в отношении суицидента.

Следственные мероприятия, проводимые при проверках факта суицида, всегда сопряжены со следственной деятельностью по получению значимой информации о поведении, передвижениях, социальной активности и межличностному общению несовершеннолетнего не только в кругу семьи, но и за ее пределами. Так, следователи получают, анализируют следующую информацию, вычленив из большого массива ту, которая удовлетворяет процессуальным требованиям к реализации уголовного преследования в соответствии с вышеназванными положениями Уголовного кодекса Российской Федерации:

- о личности суицидента, состоянии его здоровья, предрасположенности к суицидальному поведению, увлечении субкультурами, конкретных формах проявления увлечений, участия в «группах смерти» и т. д.;

- о применении к суициденту насилия, жестокого обращения, унижении его человеческого достоинства (в том числе сверстниками, педагогическими работниками, родителями, злоупотребляющими спиртными напитками, не выполняющими обязанности по воспитанию ребенка, употребляющими в общении с ним нецензурную брань, физическое насилие);

- о наличии аддиктивного поведения (употребление алкоголя и алкоголесодержащих напитков, токсикомания, болезненная зависимость от компьютерных игр и социальных сетей);

– о совершении суицидентом правонарушений.

Комплекс экспертных методов, в настоящее время реализующихся при раскрытии и расследовании суицидального поведения, включает профессиональные компетенции следующих специалистов:

- сексологов, клинических психологов, психиатров (комплексные сексолого-психолого-психиатрические экспертизы);
- экспертов по почерку (почерковедческая экспертиза);
- экспертов в области компьютерных систем и технологий (компьютерно-техническая экспертиза).

В качестве необходимых экспертных методов, по мнению авторов, являются следующие:

- психолингвистические;
- нейропсихологические;
- девиантологические.

Данный перечень не является исчерпывающим, но представляет собой «оптимальный минимум» задействования узкопрофильных специалистов, задачей которых является установление взаимосвязи между «психологически значимой продукцией» несовершеннолетнего (рисунки, письма, стихи, переписка и т. д.) и влиянием кого-либо на его принятие решения уйти из жизни, что определено как «склонение к суициду» или «доведение до суицида».

По результатам трети проведенных психолого-психиатрических экспертиз, установить наличие причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение личного достоинства) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству, оказалось невозможно. Установленная причинно-следственная связь кумулирующего характера свидетельствует о наличии именно индивидуальных особенностей личности потерпевшего, которые усугубили его состояние дезадаптации. Диагностированная дезадаптация выражалась в снижении уровня социального функционирования, нарастании личностной ригидности со стереотипным воспроизведением неэффективных попыток овладеть ситуацией, растущей фрустрацией в конфликтных ситуациях. На этом фоне угрозы, жестокое обращение или унижение человеческого достоинства обвиняемого усугубили кризисное состояние и способствовали развитию суицидального поведения.

В сложившихся актуальных обстоятельствах реализации следствия по завершенному суициду представляется возможным выделить ряд перспективных, по мнению авторов, направлений развития теоретических и практических изыс-

каний по совершенствованию криминологического и криминалистического сопровождения расследования самоубийств. Так, необходимо:

- выработать единую методику расследования самоубийств, совершенных под влиянием «групп смерти»;
- повысить эффективность взаимодействия следственных органов с организациями, осуществляющими обработку цифровой информации, (объективна и потребность во введении электронного документооборота);
- разработать алгоритм профилактики кризисного состояния малолетних и несовершеннолетних, в котором доступным образом для родителей и педагогов выделить как диагностические признаки суицидальной угрозы, так и модель организации взаимодействия органов власти, правоохранительных органов и образовательных учреждений для качественного и оперативного расследования любого суицидального поведения или опасности его реализации.

Список литературы

1. Попов Ю. В., Пичиков А. А. Суицидальное поведение у подростков. СПб: СпецЛит. 2017. 365 с.
2. Попов Ю. В., Пичиков А. А. Особенности суицидального поведения у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2011. № 4. С. 4–8.
3. Предотвращение самоубийств: Глобальный императив. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2014. 97 с.
4. Розанов В. А. Стресс-индуцированные эпигенетические феномены – еще один вероятный биологический фактор суицида // Суицидология. 2015. № 3. С. 3–19.
5. Росстат. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/search?q=_from=&content=on&date_to=&search_by=all&sort=relevance (дата обращения: 07.03.2020).
6. Suicide. World health organization [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 07.03.2020).